

Цинь Хайпин таинственно поинтересовался, знает ли Сюй Сицзин, почему Цинь Цзэюань не пошёл в политику. Сюй Сицзин, конечно, не знал.

— Бизнес делает богатым, но лишь политика даёт настоящую знать, — с многозначительной усмешкой сказал Цинь Хайпин. — Семья Цинь всегда славилась своим аристократизмом, но в его поколении всё вдруг изменилось. Всё шло хорошо, пока наводнение не смыло и карьеру Цинь Цзэюаня. Разумеется, сыну пришлось отвечать за ошибки отца, долги отца платит сын!

Сюй Сицзина растили в семье Цинь, окружая роскошью и заботой. Он не был кровным родственником, и ему не нужно было вникать в придворные интриги и стратегии. Поэтому, даже после таких откровений Цинь Хайпина, он лишь смотрел растерянно.

Цинь Хайпин, раздражённый его глупостью, выложил всё прямо:

— Сколько тебе было лет, когда тебя приняли в семью? Восемь? А Цинь Цзэюаню — всего двадцать. Его отец велел ему учиться у старших, готовясь к будущему. В тот год один из приближённых, выпестованных его отцом, был назначен главным в вашем регионе — вернулся бы и пошёл на повышение. Но кто бы мог подумать, что этот подчинённый, то ли возомнив себя царьком вдали от столицы, то ли беса попутав, осмелится разворовать средства, выделенные на строительные работы? А ты как думал, откуда взялось то наводнение?

Тут Сюй Сицзин наконец сообразил и спросил:

— А откуда ты всё это знаешь?

Цинь Хайпин усмехнулся, и в его голосе вновь зазвучала привычная спесь богатого отпрыска:

— Да кто в семье Цинь об этом не знает? Дядя — то есть отец Цинь Цзэюаня — мгновенно принял решение, пожертвовал пешкой, чтобы спасти ладью. Снял того с должности, лично доставил в прокуратуру для отстранения от дел и расследования, а потом сам вместе с Цинь Цзэюанем отправился на место бедствия оказывать помощь. Жестокость и покаяние — и то, и другое было учтено, вот как он свою позицию удержал.

Сюй Сицзину это показалось странным. — А зачем ты мне это рассказываешь?

Цинь Хайпин едва не расхохотался. — Сюй Сицзин, ты что, правда возомнил себя молодым господином, раз все в семье тебя так величают? За все эти годы ты ни разу не задумался, зачем Цинь Цзэюань тебя усыновил?

Сюй Сицзин задумывался, но так и не нашёл ответа. Под давлением Цинь Хайпина он лишь смущённо сжал губы.

Он всегда сжимал губы, когда нервничал. Вот и сейчас, услышав, что Цинь Хайпин едет в съёмочную группу, невольно начал это делать. В степи дул сильный ветер, и от того, что он то и дело облизывал губы, они к полудню покрылись красными болезненными трещинами. Режиссёр, не видя иного выхода, дал ему выходной на полдня, приказав гримёру и ассистентам сделать всё возможное, чтобы к завтрашнему дню он пришёл в норму.

Скучая, Сюй Сицзин сидел в отеле: верхняя губа была густо намазана мёдом, нижняя — каким-то неизвестным бальзамом. Его работники наперебой предлагали кучу способов, никто никого не слушал, и в итоге решили опробовать два самых правдоподобных метода одновременно.

И он снова вспомнил те слова, которыми Цинь Хайпин когда-то его подначивал.

Цинь Хайпин говорил, что отец Цинь Цзэюаня смог спасти себя, но не сына. После такого громкого дела несколько уважаемых глав семейств больше не могли доверять его отцу управление благосостоянием клана — никто не мог гарантировать, что подобное не повторится.

Его отец после долгих переговоров с семьёй пришёл к компромиссу: он уйдёт в отставку, как только уладит дело, а Цинь Цзэюань отправится набираться опыта в группу компаний семьи Цинь под пристальным надзором и оценкой всей семьи. Если результаты окажутся удовлетворительными — тогда и посмотрим.

Цинь Цзэюаню было двадцать, но его кругозор и решимость уже превосходили обычных людей. Он лично отправился с отцом в опасную зону бедствия и зорким глазом заметил в воде Сюй Сицзина, который едва держался на плаву, почти потеряв сознание. Решение об усыновлении принял сам Цинь Цзэюань. Он сказал: «Этот ребёнок выжил в великой катастрофе — он счастливчик».

Сюй Сицзин вспомнил лицо Цинь Хайпина — скрытное, с насмешкой и оттенком жалости. Тот говорил: «Если бы Цинь Цзэюань захотел проявить доброту, он бы просто стал твоим спонсором. А взял тебя в дом, чтобы растить лично, потому что ты для него — и позорный столб, и книга заслуг. Держа тебя рядом, он постоянно напоминает себе, как глупость отца потянула его ко дну. И в то же время готов в любой момент, когда настанет время действовать, выставить тебя и твою историю напоказ, чтобы все увидели его безграничную добродетель».

Тогда Сюй Сицзин переживал подростковый возраст — время формирования личности и обострённого самолюбия. То, что в ярости он сохранил крупицу рассудка, было уже чудом. Он жёстко парировал:

— Ты... ты не червь в его животе, откуда ты знаешь, что он думает? И потом... господин всегда был так добр ко мне, где тут твои хитросплетения?

Цинь Хайпин похлопал его по щеке. — Если бы не твоя красивая внешность, с чего бы Цинь Цзэюаню так о тебе заботиться? Если бы не эта забота, как бы он смог в будущем выгодно продать тебя, чтобы использовать как ступеньку? Столько лет растить — конечно, продать захочется в самый выгодный момент.

Сюй Сицзин всё ещё не мог в это поверить. Цинь Хайпин приблизился и продолжил искушать:

— Подумай сам. За все годы, что ты в семье Цинь, все знают, что Цинь Цзэюань усыновил ребёнка, но кто знает, что это именно ты? А теперь он постоянно таскает тебя с собой по свету. Кто в наших кругах не знает, что Цинь Цзэюань выставляет тебя напоказ, ожидая лучшей цены? Козыри нельзя раскрывать раньше времени, а вот фишки — можно!

Хотя Сюй Сицзин был тогда всего лишь старшеклассником, за годы в семье Цинь он от слуг наслушался достаточно сплетен о знатных семействах. Грязных, мерзких историй — сам он, может, и не видел, но понимал, о чём речь.

Неужели правда? Но почему же Цинь Цзэюань никогда этого не показывал? Он всегда был к нему добр, как старший брат или отец. Сюй Сицзин и уважал его, и восхищался им.

А в глубине души таилась чувствительность и неуверенность. Нет, не просто капля — это были подводные скалы, которые с поверхности кажутся маленькими, а на самом деле заполонили всё море. Все эти годы Сюй Сицзин жил в роскоши, изо всех сил пытаясь скрыть врождённую неуверенность, идущую от бедного происхождения. Но она никуда не делась.

Кто бы отказался от свалившегося с неба богатства? Когда пришло наводнение, его родители вместе с ним цеплялись за рухнувшую балку. Вода вымыла из него все силы, тело побелело, сознание помутнело. В конце концов родители разжали руки, оставив ему шанс выжить. Его родители не погибли напрасно — он выжил, увидел невиданный прежде мир, начал новую, яркую жизнь.

Но теперь Цинь Хайпин говорил ему: нет. Ты всего лишь предмет. Вроде записной книжки в кабинете — чтобы демонстрировать ценность и значимость другого человека. А в будущем, возможно, и дорогой товар, который обменяют на то, что нужно другому.

Если бы Сюй Сицзин до сих пор рос в бедности и лишениях, он, возможно, благодарил бы Цинь Цзэюаня за щедрую поддержку и был готов ради него на жертвы. Но Цинь Цзэюань воспитал его рядом с собой, показал, как живёт достойный, ценный человек, — и Сюй Сицзин перестал мириться.

Люди всегда жадны. Или, иначе говоря, жадным был Сюй Сицзин. Когда у тебя никогда не было чего-то, даже прикосновение к этому приносит счастье. Но когда то, что ты держал в руках, жестоко отнимают и говорят «это тебе только показывали», — это становится невыносимым.

Перебрав в памяти слишком много прошлого, Сюй Сицзин почувствовал головную боль. Он лежал на диване в гостиной своего номера, впадая в дремоту. В полусне он услышал стук в дверь, поднялся и открыл. На пороге стоял Лао Сун, а за ним — Цинь Хайпин.

Лао Сун вежливо улыбнулся:

— Четвёртый молодой господин услышал, что вы нездоровитесь, и решил навестить.

Губы Сюй Сицзина блестели и были липкими, словно слиплись. Он стоял в дверях, не приглашая Цинь Хайпина войти.

Цинь Хайпин же на этот раз вёл себя прилично, совсем не как обычно распутный мажор. Он расправил полы пиджака, прошёл мимо Сюй Сицзина в комнату и сказал:

— Сяо Цзин, как усердно ты работаешь на съёмках. Учитывая прошлые мероприятия, мы не виделись несколько месяцев.

Лао Сун, войдя следом, добавил:

— Съёмки уже почти закончены, это несерьёзная проблема. Не стоило беспокоить четвёртого молодого господина.

Лао Сун всегда был рядом с Цинь Цзэюанем, считался его правой рукой. Назначить его менеджером было некоторым перебором, и все относились к нему с большим почтением; многие даже вели себя с Лао Суном почтительнее, чем с самим Сюй Сицзином.

<http://bllate.org/book/16267/1463712>